Ахунский вестник

3

2024

Урочище Белой горы на съёмке 1866 года
«Русская охота»
Белый омут
Урочище Белой горы
Белая гора

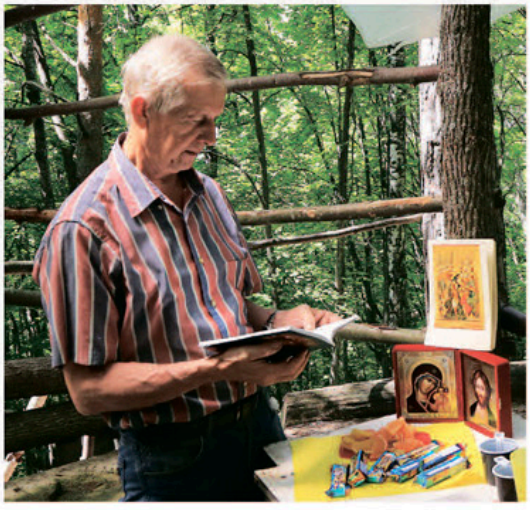
2 июля 2023 года на известной многим усадьбе состоялась презентация первого номера «Ахунского вестника». Идея создания его пришла после предпринятого прихожанами Никольского храма похода от Ахун до Бурчихи, который они совершили на 3-е обретение главы Иоанна Предтечи, то есть 7 июня этого же года. Так что святой, которого мы решили в его праздники чтить особым образом, как бы дал толчок тому, чтобы наша церковно-краеведческая жизнь кроме приходского годового «Ахунского альманаха» освещалась ещё и «по горячим следам» – в одном из специально посвящённых какому-либо мероприятию номере «Ахунского вестника».

В 1-м выпуске рассказывалось о пробном историко-экологическом маршруте, участие в котором оставило неизгладимое впечатления у всех членов паломнической группы. Паломнической – поскольку главным в исторической составляющей нашего похода было посещение места, где когда-то стоял Предтеченский мужской монастырь, уничтоженный 300 лет назад по велению Петра Первого.Точнее сказать, – предполагаемого места, поскольку до сих пор все попытки найти его не увенчались успехом.

Спустя месяц после первого похода – 7 июля, на Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, – состоялся новое путешествие на Белую гору, перед которым, однако, сразу после окончания

богослужения в воскресеной школе была повторена презентация вышедшего вестника для тех, кто ещё не успел подержать его в руках. А потом, по традиции, прежде чем отправиться в путь, мы сфотографировались у Никольского храма – отправной точки нашего маршрута.

Затем, распрощавшись с центральными фигурами нашего памятного кадра, которые по разным причинам не смогли нам дальше составить компанию, мы уже по знакомой, но труднозапоминаемой тропе отправились к своему конечному пункту.



Это было самое высокое и крутое место на Белой горе, название которой, скорее всего, распространяется на всю заросшую лесом возвышенность. Отсюда, как нам казалось, слова молитвы Иоанну Предтече должны достигнуть и того места, где когда-то располагался Предтеченский мужской монастырь.

О самом монастыре мы знаем очень мало, больше – о виновнике его закрытия и уничтожения монахе Варлааме (Левине).

В годы правления Петра I в народе широко распространились убеждения о царе как об антихристе, что явилось следствием внедряемых им нововведений, посягавших на чистоту веры, традиции и обычаи русского народа.

Указ 1698 года о ношении немецкого платья, о бритии бород и усов, изменение русского православного календаря – введение летоисчисления не от сотворения мира, а от Рождества Христова и празднование нового года не с 1 сентября, а с 1 января – затрагивали религиозные воззрения общества и взывали к совести встать на защиту старой веры.

К этому добавлялось поругание царём святого благочестия: курение табака, устройство откровенно богохульного сборища, пародирующего церковную иерархию, под названием «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор», прозвища членов которого были построены на обсценной лексике. И, наконец, жестокость царя, по приказу которого было казнено более тысячи стрельцов, участников бунта 1698 года, нескольким из которых он собственноручно отрубил головы, заставляя своих приближённых делать то же самое. Его старший сын и наследник Алексей в 1718 году был осуждён на смерть и был собственноручно замучен своим отцом в Петропавловской крепости. В общем, царь Пётр многим тогда, и не без основания, казался настоящим исчадием ада.

В 1721 году он заменил патриаршество Святейшим Правительствующим Синодом, тем самым уничтожив самостоятельность Церкви в управлении своими делами, встроив её в единый государственный механизм. Вместе с тем Пётр I совершил кардинальный переворот в умах русских людей, переориентировав их от главной жизненной установки – спасения собственной души ради Царствия Небесного на служение государству, в том виде, естественно, как это понимал сам император. Подмена основополагающей мировоззренческой парадигмы полностью изменила вектор развития русского общества, направив его в русло новых приоритетов, далёких от изначального замысла Творца.

Митрополит Стефан (Яворский)

Распространению в народе идеи о царе-антихристе в немалой степени способствовало учение московского проповедника и переписчика книг Григория Талицкого. Сочинения его, переписываемые от руки и нелегально распространяемые особенно среди старо-

обрядцев, оказывали сильное воздействие на умы, и для противодействия их влиянию рязанским митрополитом Стефаном (Яворским), ставшим местоблюстителем патриаршего престола, в 1703 году был специально написан трактат «Знамения пришествия антихристова и кончины века». Но словно в насмешку за проделанную работу, направленную на обеление Петра I в глазах раскольников, сам митрополит попал под следствие о причастности к делу монаха Варлаама.

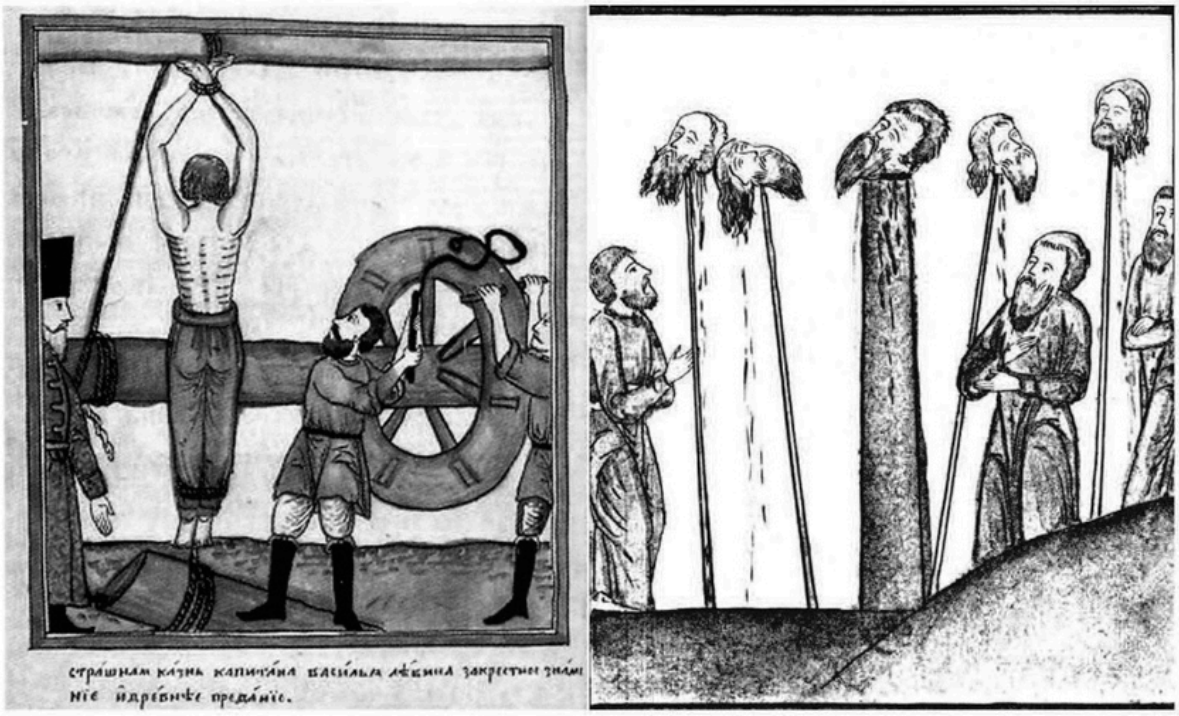
Василий Саввич Левин, как звали его в миру, служил капитаном в Петровской армии. Пропитавшись раскольническими идеями, в частности, Григория Талицкого о царе-антихристе, он решил удалиться от мирской жизни в один из монастырей. После выхода в отставку получил от митрополита Стефана грамоту на пострижение, которое совершил 27 февраля 1722 года в Пензенском Предченском монастыре, после некоторого пребывания там в качестве бельца став монахом Варлаамом.

Основным источником сведений о нём являются опубликованное Г. Есиповым дело Варлаама (Левина), извлечённое из Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. Потом этот материал несколько переработал Л. Гранделевский, опубликовав его в «Пензенских епархиальный ведомостях» за 1866 год. К сожалению, в обоих источниках допущен ряд неточностей, что затрудняет соотнести место рождения Левина с конкретным селом Пензенской губернии.

Суть же преступления Варлаама заключалась в следующем: 19 марта 1722 года на базарной площади Пензы, забравшись на крышу мясной лавки, он «кричал всенародно многие злые слова, касающиеся до превысокой чести Его Императорского пресветлого Величества и весьма вредительные Государству, на который его крик сошлось людей немалое число»; а именно, что Пётр I – антихрист, о чём сразу же донёс в земскую контору пензенский посадский человек Фёдор Семёнович Каменщиков. Арестовав после этого Варлаама в монастыре, его вместе с доносчиком отправили в Москву, где 17 апреля 1722 года из канцелярии Правительствующего Сената переправили в Тайную канцелярию.

После проведённого следствия Варлааму вырвали язык и 26 июля обезглавили его напротив Кремля на Болоте, тело сожгли, а заспиртованную голову 4 августа отослали в Пензу вместе с четырьмя его подельниками, закованными в кандалы, – попами села Конопати Саранского уезда Глебом Никитиным и села Чирчим Пензенского уезда Иваном Степановым, утаившими сказанное Варлаамом на исповеди, а также игуменом Жадовской пустыни Михаилом и старцем Предтеченского монастыря Ионой, слышавшими злые слова и не известившими о них кого следует.

В Пензе их ждала та же страшная участь: всем четверым отрубили головы, насадив их на колья, которые установили вокруг каменного столба с заспиртованной головой Варлаама, в шести саженях от Никольской церкви. Как сви-



Пытка и казнь монаха Варлаама (Левина)

детельствует предание, головы их продолжали пугать пензенских жителей на протяжении полувека – до занятия Пензы Емельяном Пугачёвым в 1774 году.

Однако это, скорее всего, уже народная выдумка, поскольку ещё малолетний император Пётр II в 1727 году своим указом запретил выставлять «для устрашения» на обозрение расчленённые тела казнённых. Правда, на самом деле его указ от 10 июля 1727 года «Об уничтожении в Санкт-Петербурге на площадях каменных столбов, на которых выставлялись тела и головы казнённых за вины» касался только столицы, но, скорее всего, действие его распространилось и на другие города.

Герасима Саввича Левина, брата монаха Варлаама, долго содержали в тюрьме и только 10 августа 1724 года, учинив наказание кнутом, сослали на вечное житьё на южное побережье Каспийского моря, в провинцию Гилянь, за год до того завоёванную Россией у Персии. Фёдор Каменщиков получил награду в 300 рублей и право беспошлинной торговли до самой своей смерти, а дом его в Пензе долгое время назывался «домом доказателевым».

Евгений Белохвостиков в своей книге «По монастырям Пензенского края» сообщает предание, что «заспиртованную голову Варлаама по приказу царя поставили в родовом склепе Левиных в селе Большое Левино (Лунинского района), чтобы его потомки вечно помнили, чем кончается бунт против царя», и при этом цитирует воспоминания Е. Ф. Шкурова о вскрытии в начале 1930-х годов барского склепа: «После увеличения отверстия входа туда с фонарём спустились двое и вытащили из склепа стеклянную банку величиной с цилиндри-

ческое ведро, сверху закрытую тёмной крышкой. Внутри банки в желтоватой жидкости находилась посиневшая мужская голова. В памяти остались усы и нос с горбинкой».

К слову сказать, возникшее дело Варлаама (Левина) стало основанием для издания именного указа Его Императорского Величества, объявленного из Сената, от 28 апреля 1722 года «Об оскорбителях чести Государя Императора и нарушителях общего спокойствия и о взыскании с тех, которые по доносам о сих злодеях не производят следствий». Последних велено было предавать смертной казни «без всякого пощадения», что, по сути, принуждало священников нарушать тайну исповеди, если на ней будет открыто что-либо, до государевой чести касающееся. Обстоятельное обоснование возможности и даже обязанности священника доносить «о нераскаянном намерении и злодейственном на государя или на государство умышлении» было изложено в определении Правительствующего Сената от 30 июля 1722 года при вынесении приговора о казни причастных к делу Левина священнослужителей.

Московская духовная дикастерия, на основании ходатайства вкладчиков Пензенского Предтеченского монастыря к архиепископу Крутицкому Леониду, 24 сентября 1722 года обратилась в Святейший Синод с предложением на место настоятеля этого монастыря игумена Феодосия, доставленного в Москву, где он скончался, не дожив до следствия, назначить иеромонаха Иону (из находившегося в Московском Кремле подворья Кирилло-Белозерского монастыря) – «человека доброго, смиренного и во утверждении монастырском состоятельного». Синод своим указом от 16 ноября затребовал от Монастырского приказа сведений о числе монахов в Предтеченском монастыре, о количестве состоящих за ним вотчинных крестьян и о расположенных поблизости монастырях.

Ещё до получения ответа в Синод явился один из вкладчиков Предтеченского монастыря, пензенский подьячий Осип Поляков, который сообщил, что в монастыре находится 20 монахов, «которые кормятся своими трудами, делая бочки, вёдра и другую мелкую посуду, а также пожертвованиями от вкладчиков», и что ни крестьян, ни пахотной земли за Предтеченским монастырём не числится, а ближайшим к нему монастырём является Пензенский Спасо-Преображенский монастырь, в котором пребывало братии только 10 человек.

Сам Пензенский Предтеченский монастырь, в котором на момент ареста Варлаама проживало 24 монаха и 4 бельца, был взят часовыми под стражу, в связи с чем прекратилось всякое сообщение его с миром, так что насельникам грозила голодная смерть. Виновник бедственного положения монастыря Фёдор Каменщиков обратился в Канцелярию тайных дел с просьбой освободить монахов, которые находились без пастыря и под караулом, от наказания, и просил объединить Предтеченский и Спасо-Преображенский монастыри в один, назначив туда настоятелем иеромонаха Иону с посвящением его во игумена.

В январе 1723 года это доношение, а также прошение вкладчиков Предтеченского монастыря поступило в Святейший Синод, который 4 февраля 1723

года постановил: «о Предтечевском монастыре, который по Его Императорского Величества указу для явившегося в нём злодея монаха Левина описан и обретается под караулом, справиться с Розыскною тайных дел канцеляриею, и буде из-под оного караула живущих в нём монахов свободить определено будет, то оный Предтечевский монастырь, в котором ныне настоятеля не имеется, разобрать до основания, а братство, по содержанию Духовного регламента, как в рассуждении под числом 45-м показано, перевесть и всякую церковную утварь, и ризную казну, и прочее, что ни есть, всё с землями и угодьями, описав, отдать в Спасский Преображенский, близ оного Предтечева стоящий, монастырь, для того, что в прошлом 1722 году в том Предтеченском монастыре явился помянутый злодей монах Левин, которого ради и доныне того монастыря братия содержится под арестом в зельном гладе, а оный злодей за лютое своё злодейство и казнь лютую восприял; чего для во оказию и в страх зла и место его, где он, вор, аки змий, гораздился, надлежит опустошить всеконечно».

Иеромонаха Иону надлежало привести к присяге и посвятить во игумена синодальному советнику архиепископу Сарскому (Подонскому) Леониду.

4 марта 1723 года по определению Тайной канцелярии было велено караул от Предтечева монастыря снять, в связи с чем 8 марта Святейший Синод направил преосвященному Леониду указ «о разобрании до основания Предтечевского монастыря и о переводе его братства и всего имущества в Спасо-Преображенский монастырь».

Выполнять распоряжение по уничтожению Предтеченского монастыря предстояло назначенному в Спасо-Преображенский монастырь игумену Ионе, который, однако, не торопился с разборкой Предтеченской церкви, о чём стало известно властям довольно необычным образом.

24 октября 1723 года игумен Иона приказал посадить на цепь замеченного им в пьяном виде монаха Гурия, который закричал «государево слово» и был доставлен в Пензенскую канцелярию, где после допроса заявил, что в 1722 году, когда монах Варлаам говорил свои крамольные слова в Пензе, это слышал бывший казначей Предтеченского монастыря монах Феодосий, но не донёс об этом. Протрезвев, Гурий отказался от своих слов, заявив, что напрасно оговорил Феодосия, но на допросе в Преображенском приказе добавил ещё, «что и игумен Иона явился ослушником царской воли, ибо не тотчас исполнил Высочайший указ о разрушении Предтеченского монастыря, в котором жил злодей Левин, но спустя многое время». Однако последнее заявление было оставлено без последствий. В 1724 году было велено Предтеченскую церковь разобрать, перевезти в Спасо-Преображенский монастырь и вновь поставить там с тем же престолом «для монахов болящих».

Место, где когда-то стоял Предтеченский монастырь, сровняли с землёй, и со временем оно в памяти людской затерялось. Сейчас, спустя 300 лет с момента уничтожения монастыря, хотелось бы обозначить его каким-нибудь памятным знаком – как колыбель, где, по сути, зародилось православие г. Пензы.

К сожалению, источников, упоминающих о местоположении Предтеченского монастыря, очень мало. Первоначальные сведения мы находим о нём из прошения братии и вкладчиков монастыря от 9 октября 1728 года, выдержки которого цитируются в тексте синодального документа: «Предтеченский монастырь, построенный «в прошлых годех», «находился в 4-х верстах от г. Пензы на берегу р. Суры. До 1722 г. в нём было монахов, кроме трудников, человек 30 и больше, и средства в нём были без оскудения. В 1723 г. после того как в числе его братии оказался знаменитый злодей Левин, казнённый с двумя своими пособниками, монастырь был, по указу, разорён до основания, «церкви и всякое здание разобраны», Предтечева церковь поставлена в ограде вне монастыря «и стоит в презрении пуста и без пения», – братия, в числе 31 человека, была переведена в Пензенский же Преображенский монастырь, куда была перевезена и вся движимость и утварь монастыря Предтеченского.

В Преображенском монастыре монахов прежде было человек с двадцать, а земли имелось лишь малое число, и та в расстоянии 15 вёрст и больше. Иеромонах бывшего Предтечева монастыря Андриян с братиею и вкладчиками (Спасского собора протопоп Иван Андреев с причтом, полковник и воевода Фёдор Скобельцын с 22 человеками разночинцев) подавали прошение и в Верховный Тайный Совет, и в Дикастерию, и в Святейший Синод, в которых объясняли, что братия Преображенского монастыря, после того как с переводом в него монахов Предтечева монастыря число её увеличилось, а средства содержания остались те же, терпят большие лишения, так что горожане, глядя на их нищету, скучают. Пензенский дворянин Иван Алферьев, по обещанию своему, предлагал отдать под построение вновь Предтечева монастыря своё урочище «Божия гора», в 7 верстах от города, с угодьями; граждане Пензы, со своей стороны, предложили средства для построения монастырских зданий и двух деревянных церквей, предлагали также построить скотный двор и наградить всяким скотом, ходатайствуя о позволении построить вновь Предтечев монастырь, на Божьей ли горе, или на прежнем месте – на Белой горе, по реке Суре; иеромонах Андриян просил затем и всё устройство прежнего монастыря, взятое в Преображенский, возвратить в Предтечев, равно и земли сего последнего, которых было в поле 50 четвертей, а в дву потомуж, объясняя, что в таком случае они, монахи, могут быть довольны и без жалованья, даже если им и не будет позволено принять от Алферьева жертвуемые им земли, на которые им при челобитье представлены в Вотчинную коллегию отказная грамота и отказные книги.

Святейший Синод не нашёл оснований исполнить по этому прошению и 26 февраля 1730 г. определил: по силе синодального определения 4 февраля 1723 г. (этого дела в архиве Синода не обнаружено) монахам бывшего Предтечева монастыря быть в общежительстве с прочею братиею монастыря Преображенского; что же касается пожертвований Алферьева и граждан Пензы, равно имений прежнего Предтечева монастыря, то они должны быть общею

собственностию монахов Преображенского монастыря, считая в их числе и бывшую братию монастыря Предтеченского».

Как видим, здесь сказано только, что монастырь располагался «в 4-х верстах от г. Пензы на берегу р. Суры» и «на Белой горе, по реке Суре».

У В. В. Зверинского в книге «Монастыри, закрытые до царствования Екатерины II» говорится чуть подробнее: «в 4 верстах от Пензы, в называющемся Большом Сурском лесу, на Белой горе неподалёку от нынешней Мочаловской мельницы» .

В 13-м номере «Пензенских епархиальных ведомостей» за 1902 год читаем: «Находился в 4 в. от г. Пензы в «большом Сурском лесу», на урочище, именуемом «Белая гора».

Самое подробное описание местонахождения монастыря дал краевед Борис Николаевич Гвоздев, который в своём дневнике за 20 июля 1924 года сделал следующую запись: «Был на месте, где, по прежним предположениям, находился Предтечев монастырь, в местность, называемую «клады». Место обнесено с двух с половиной сторон канавой, а с одной стороны овраг. В средине небольшое местечко огорожено жердками, уже обрушившимися, в средине этой изгороди столб (тоже повален), на нём была деревянная икона. Местность дов[ольно] дикая, есть несколько ям неправильной формы. Необходимо произвести, хотя бы маленькие, раскопки. «Клады» находятся дальше т. н. «Нового Афона», нужно итти вдоль канавы налево, перейти грань Молошниковского леса. По словам проводников, местность «Белая Гора» около Ахун существует приблизительно в 1 версте вверх по Суре».

Однако его запись не только ничего не проясняет, но лишь добавляет новые вопросы – о местонахождении «кладов», «Нового Афона», «Молошниковского леса», на которые, вкупе с «Мочаловской мельницей», так и не удалось пока найти ответов.

На двух старых картах, хранящихся в Государственном архиве Пензенской области, помещённых на оборотах обложки вестника, обнаружилось название «урочище Белыя горы», нанесённое на район, прилегающий сейчас с востока к дороге между «Русской охотой» и Бурчихой, то есть расположенный у подножия предполагаемой Белой горы.

Выражение «урочище Белыя горы» следует читать не во множественном числе – Белые г*о*'ры, а в единственном: «урочище Белой горы*'*» (так по-церковнославянски склоняется женский род в родительном падеже; по аналогии будет: икона Пресвятыя Богородицы).

Но вот что понимать под урочищем? Есть несколько объяснений этого слова. Например: «любой географический объект или ориентир, о названии которого договорились люди». Или же: «место, выделяющееся по каким-либо признакам из окружающего ландшафта», то есть, по сути, всё, что особо заметно на фоне остального. Поэтому урочищем может называться и место около Белой горы, и сама Белая гора.

У Гвоздева говорится: «местность «Белая Гора» около Ахун существует приблизительно в 1 версте вверх по Суре». В «Пензенских епархиальных ведомостях» сказано: «на урочище, именуемом «Белая гора». Здесь речь, скорее всего, идёт о целом районе под названием Белая гора, включающем в себя и саму гору.

На двух картах обозначено место под названием «урочище Белой горы» в низине, близ горы, самая высокая точка которой была кем-то избрана для отдыха ещё задолго до нас, а нами облюбована на 3-е обретение главы Иоанна Предтечи как символическое место Предтеченского монастыря.

И вот, спустя два месяца, мы снова здесь. После молитвы – праздничный пирог по случаю престольного праздника бывшего Предтеченского монастыря, а следовательно, и всей Белой горы, и нашего вкупе, – ведь сегодня 11 сентября, день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна.

Уже по-хозяйски начинаем окидывать взглядом обжитое нами место – пора бы и ремонтом заняться, полиэтиленовая крыша уже прохудилась, напрашивается что-то посерьёзнее. Вот и дело на следующий год нашлось, не считая продолжения поисков монастырского места.

Жаль, конечно, что год 300-летия закрытия Предтеченского монастыря прошёл безрезультатно. Хотя – как сказать. В ходе работы в Государственном архиве Пензенской области, когда бралось на заметку всё, так или иначе связанное с Ахунами и их окрестностями, столько интересного материала было обнаружено, что не на один «Ахунский вестник» хватит.

После закрытия Предтеченского монастыря вместе с переведёнными в Спасо-Преображенский монастырь монахами туда же была перевезена и церковь, и «вся движимость и утварь монастыря», и «ризная казна», как о том предписывалось синодальным постановлением. Поэтому находка в Ахунах на улице Сплавной в 1963 году клада серебряных монет конца XVII – начала XVIII веков в количестве 1650 штук, поступившего от И. С. Бодрова в областной краеведческий музей, никак не может свидетельствовать о том, что это – казна Предтеченского монастыря, располагавшегося, как считал Иван Семёнович Антонов, на самом берегу реки Суры.

В своей книге «Ахуны: история и совеременность», вышедшей в 2004 году, он пишет: «Монашеские кельи, два храма и хозяйственные постройки располагались на территории нынешних улиц Сплавная и Дачная. Сейчас сохранились лишь монастырские колодец, пруд, часть ствола исполинской ветлы с одной живой ветвью, посаженной некогда монахами на сухом откосе плотины. В разные годы местными жителями здесь найдены: большой клад серебряных монет, хранящийся в областном музее, иконка с ликом Сергия Радонежского, серебряный крестик, подсвечник, металлические крючья, многочисленные осколки гляняной посуды, кучи золы, битого кирпича, угли...».

Факт нахождения на этом месте церковных предметов вроде бы свидетельствует о наличии здесь в прежние времена православной жизни, но отнюдь не Предтеченского монастыря. До революции здесь располагался

игуменский хутор Спасо-Преображенского монастыря, называемый Тихоименитым, которому будет целесообразно посвятить отдельный выпуск «Ахунского вестника». К нему и относятся все эти находки.

Тем не менее современный исследователь Александр Голяков, недавно выпустивший брошюру под названием «Пензенский Предтеченский монастырь: поиски и находки», считает, что монастырь находился именно здесь. И строит он свою доказательную базу, опираясь на хуторское название, следующим образом: «Исходя из определений, данных словарями, можно сказать, что слово «Тихоименитый» означает «смирный, спокойный и широко известный, знаменитый». Что здесь могло находиться до построения хутора такое, о чём можно было бы говорить, что оно известно и знаменито, и в то же время, от чего-то стало тихим и смирным? Так описать можно только местонахождение Пензенского Предтеченского мужского монастыря».

А далее автор делает свой вывод: «Из этого следует: хутор Тихоименитый был расположен там, где раньше находился Пензенский Предтеченский монастырь. Потому хутор так и назвали».

Прямо-таки скажем, неубедительная аргументация. И прежде всего потому, что слово «тихоименитый» трактуется у него неверно. Заглянем в церковнославянский словарь и посмотрим, что означают созвучные слова «христоименитый», «богоименитый», – это «носящий на себе имя Христово» (т. е. христианин), «названный по имени Божию».

Отсюда: «Тихоименитый» – **именуемый, называемый** «Тихим». То есть «Тихий хутор» и «Тихоименитый хутор» – это одно и то же. В данном случае слово «именитый» следует понимать в значении «именуемый», а не «знатный», «известный». Для церковной среды, давшей название игуменскому хутору, оно было понятным и вполне естественным.

Гораздо большего внимания заслуживает другой аргумент А. Голякова о расположении на берегу реки Предтеченского монастыря, но рассмотрение его лучше всего будет совместить с рассказом о Тихоименитом хуторе. А сейчас хочется поговорить о праздниках, связанных с Иоанной Предтечей, часть из которых пока у нас осталась неохваченной.

Память этому великому святому совершается 7 раз в году:

20 января – Собор Иоанна Предтечи,

8 марта в високосном году / ***9 марта*** в невисокосном году – Первое и второе обретение главы Иоанна Предтечи,

7 июня – Третье обретение главы Иоанна Предтечи,

7 июля – Рождество Иоанна Предтечи,

11 сентября – Усекновение главы Иоанна Предтечи,

6 октября – Зачатие Иоанна Предтечи,

25 октября – Перенесение из Мальты в Гатчину части Древа Животворящего Креста Господня, Филермской иконы Божией Матери и десной руки Иоанна Крестителя. Этот праздник, установленный Святейшим Правительствующим

Синодом, был впервые отмечен в 1800 году. В России по ныне действующему Типикону в этот день вспоминается прежде всего святой Иоанн Предтеча.

В 2023 году нам удалось особым образом отметить три из них. В этом же году мы собрались после Божественной литургии в воскресной школе и 20 января, когда празднуется Собор Иоанна Предтечи.

Как сказал в своё время святитель Димитрий Ростовский, «вполне прилично было почтить особым празднованием того, кто послужил таинству Божественного крещения, возложивши руку свою на главу Владыки». Для этого Православной Церковью был выбран день, следующий сразу после Крещения Господня, когда православный люд ещё раз приходит *соборне* прославить этого великого святого.

А наш приход, кроме того, в этот день устроил небольшое мероприятие – презентацию 2-го номера «Ахунского вестника», посвящённого Ивану Семёновичу Антонову, столетний юбилей со дня рождения которого мы отметили 15 сентября прошлого года. Казалось бы, тема эта никак не связана с Иоанном Предтечей, но это только на первый взгляд. Именно благодаря нашему первому ахуноведу многие жители посёлка впервые услышали о Предтеченском мужском монастыре, существовавшем в окрестностях Ахун.

Александр Дворжанский

Владѣніе Пензенскаго Троицкаго Монастыря.
Дома помощника Лѣсничаго.
Домъ лѣсничаго
Домъ лѣсной стражи.
Пензенскаго Спасо-
каго монастыря.
Об. Ст. Офицерская.
Об. Ст. Бурчишная.
Дача дер. Кичкилейки разныхъ владѣльцевъ.
Обр. Ст. Теплая
Р. Бурчишная
Р. Кичкилейка
Р. Теплая
Р. Сура
Р. Кичкилейка
Морозовыхъ, Ермолова, Пегерина и Дубенскаго.